

Ленинграде исстари существовало землячество, татары помогали друг другу. Ее отец с одним из братьев прижились в 40 км от Ленинграда в Петергофе, связи с земляками не теряли. По пятницам приезжали в мечеть. Мужчины работали грузчиками на Балтийском судостроительном заводе и в пароходстве. Порт в Ленинграде зимой закрывался и рабочих переводили в Мурманск. В 1938 г. среди татар отец Наими сказал, что в деревне стали жить хуже и по доносу был арестован вместе с братом Садыком. Мать Нафиса-апа, веселая хохотушка и певунья, осталась с пятью детьми на руках. Жену врага народа на работу не брали. В Мурманске они страдали от холода и голода. Старшая Наимя работала, а вечером училась в медучилище. Когда началась война, она добровольцем пришла в военкомат и получила направление на Карельский фронт. Хрупкая, маленького роста Наимя оказывала первую помощь раненым. Бойцы удивлялись: девочек в армию берут. Суровые будни медиков прифронтового госпиталя описал В. Белаяев.

В предисловии к книжке, изданной в 1943 г. в Архангельске, автор писал: «Повесть «Залив в тумане» написана мной после того, как я своими глазами на Мурманском участке Карельского фронта посмотрел благородную работу врачей и сестер, возвращающих в строй раненых и больных защитников Советского севера. В трудных условиях полярной природы, под несмолкающий вой пурги нередко под бомбами врага они оказывают помощь пострадавшим советским воинам так же умело, как делали еще в мирное время в светлых, прекрасно оборудованных госпиталях Москвы и Ленинграда. И они добиваются отличных результатов, ибо возвращают в строй восемьдесят три процента раненых и больных, попавших в их руки. Такого успеха не знала еще ни одна армия мира. В повести зачастую даются подлинные факты и реально существующие люди, действовавшие на правом фланге фронта Отечественной войны».

Приведем небольшой фрагмент из одного сюжета «... Окончив процедуру, Чуракова обмыла над ванной теплой водой ногу и руку Симаченко – потемневшая грязная вода забулькала, уносясь в сточную трубу...» Отметим интересную деталь: главного героя повести - ленинградца лейтенанта Симаченко, автор «поселил» в доме за мечетью на Мичуринской улице.

В период затишья она выступала перед ранеными. Сказались гены матери, Наимя была прирожденной артисткой. Демобилизовалась она в декабре 1946 г. уже на Дальнем Востоке и вернулась в Черемисево с боевыми наградами. Добиралась долго, ночевала на полу вокзалов, погостила и поехала к родителям в Мурманск.

Жизнь стала налаживаться, Наимя вышла замуж за офицера, переезжала из одного города в другой и, не имея актерского образования, работала в профессиональных театрах Мурманска, Клайпеды, Риги, Кандалякши. По возвращении в Ленинград в 1965 г., несколько лет служила в Малом драматическом театре, ныне Театр Европы. Тогда театр считался областным, артисты возили спектакли в сельские клубы и дома культуры. Территория Ленинградской области превышает площади некоторых европейских государств, разъезды утомляли, поэтому, чтобы больше уделять внимания дочке, Чуракова вернулась в медицину и перешла в Народный театр одного из Дворцов культуры, которому была верна до конца. Дочь Наими-ханум Ольга преподает теорию танца.

Общественная организация «Татарская община Санкт-Петербурга и Ленинградской области» и Постоянный представитель Республики Татарстан в СПб и ЛО Р.Н.

Валиуллин с вниманием относятся к ветеранам войны. В этом году к Дню Победы он поздравил Н.И. Чуракову лично. Теперь, вспоминая о Наимя-ханум, скажем: Кара кабире якты булсын, туфрагы жинел булсын, урыны жәннәттә булсын. Аминь.
Из старших поколений Чураковых ни в Москве, ни в Петербурге больше не осталось никого.

Альмира Тагирджанова,
краевед, Санкт-Петербург